

ГЛАВА 20. СУНЬ ИНЯН

Янь Чжуан был человечком невзрачным и щуплым. Он семенил впереди, и Лу Сяофэну даже не приходилось поворачивать головы, чтобы видеть всё, что происходит впереди.

Слуга вёл гостей молча.

Поместье Красной птицы было огромным, и неудивительно, что здесь ошивалось множество прихлебателей и вольных мастеров. По пути им то и дело встречались разные люди; завидев Лу Сяофэна и Хуа Маньлоу, они принимались шептаться, узнавая знаменитую пару.

Лу Сяофэн всю дорогу размышлял о странном поведении Янь Юньхо. Впрочем, даже если бы его голова была пуста, на праздные пересуды ему было наплевать.

Миновав несколько крытых переходов, они вышли к саду.

Сделав всего пару шагов, Хуа Маньлоу остановился.

— В этом дворе посажено много «Венцов Феникса», — негромко заметил он.

Сад и впрямь утопал в цветах. Одни полыхали алым пламенем, другие сияли белизной свежесвыпавшего снега. В их изысканном облике чувствовалась такая грация, что взгляд невозможно было отвести.

Весь сад был засажен одним-единственным сортом.

Лу Сяофэн, мало что смысливший в садоводстве, спросил:

— Брат Хуа узнал эти цветы?

Хуа Маньлоу кивнул.

— Это разновидность камелии, сорт «Венец Феникса». Алые лепестки яркие, точно свадебный наряд, и по форме напоминают корону невесты. Бывают и белоснежные цветы — чистые, летящие, точно снег. В эту пору они должны быть неописуемо прекрасны.

— И то правда, — согласился Лу Сяофэн. — Красота редкая.

Янь Чжуан, прислушивавшийся к их разговору, невольно проникся уважением к Хуа Маньлоу. Слепец, а понимает во всём быстрее и знает больше зрячих.

— «Венец Феникса» — сорт редкий, — продолжал Хуа Маньлоу. — Сейчас его почти не встретишь, да и приживается он с трудом. Лишь тот, кто искренне влюблён в цветы, мог вырастить их в таком изобилии.

Янь Чжуан закивал:

— Молодой господин Хуа совершенно прав. За этими камелиями ухаживали с великим тщанием. Потребовалось пять или шесть лет, чтобы сад стал таким, как сейчас.

— Это цветы госпожи? — спросил Лу Сяофэн.

Слуга внезапно изменился в лице. Он кивнул, но тут же замотал головой.

— Можно сказать и так... — пробормотал он в замешательстве.

Он прибавил шагу, явно не желая продолжать разговор на эту тему.

Но ведь если «да», то «да», если «нет», то «нет». Откуда взялось это «можно сказать и так»?

— Понимаю, — протянул Лу Сяофэн. — С людьми ведь так же. Про иного скажешь: вроде и человек, а вроде и нет.

— Это почему же? — удивился Янь Чжуан.

Лу Сяофэн усмехнулся.

— Пока он дышит — он человек. А как испустит дух, станет лишь покойником.

Слуга мертвенно побледнел. Он не был дураком.

— Эти камелии посадила Сунь Иньян, — выдавил он.

— И кем же приходится эта Сунь Иньян владельцу поместья? — любопытствовал Лу.

— Она младшая сестра покойной супруги нашего хозяина. Когда госпожа скончалась... она... стала жить с господином. Вторая молодая мисс запрещает нам звать её госпожой, а Сунь Иньян и не спорит. Потому в поместье её все зовут просто «Сунь Иньян».

Хуа Маньлоу, немного поразмыслив, уточнил:

— Супруга хозяина ушла из жизни пять или шесть лет назад?

— Верно, шесть лет прошло, — ответил Янь Чжуан. — Тогда же Сунь Иньян переехала сюда и засадила весь сад камелиями.

Лу Сяофэн понимающе кивнул. Глядя на это цветочное море, он почувствовал, что в нём сокрыта чья-то мечта, неразрывно связанная с цветами.

— Ладят ли с ней дочери хозяина? — внезапно спросил он.

Янь Чжуан помрачнел ещё сильнее.

— У госпожи... была только одна дочь.

Лу Сяофэн вскинул брови:

— Тогда чья же дочь ваша старшая молодая мисс?

Слуга опустил голову почти к самой груди.

— Она... дочь Сунь Иньян.

Закончив, он взмолился:

— Великий герой Лу, умоляю, не спрашивайте больше! Пощадите меня, я правда больше ничего не знаю. Я не хочу гневить хозяина.

Его голос дрожал. Видя, как бедняга напуган, Лу Сяофэн не удержался от смешка, но Хуа Маньлоу поспешил успокоить слугу:

— Просто веди нас дальше. Брат Лу лишь подшучивал над тобой.

Хуа Маньлоу, разумеется, имел в виду те слова про живых и мёртвых, которые и нагнали на Янь Чжуана жути.

Слуга вздохнул с таким облегчением, словно гора с плеч свалилась, и отбежал на добрых два чжана вперёд. Дистанция между ними росла; если бы он не был их проводником, он бы с радостью и вовсе испарился.

— Брат Хуа, ты его отпустил, — рассмеялся Лу Сяофэн. — Теперь мы можем кричать ему вслед,

а он будет делать вид, что оглох.

— Не стоило его так пугать, — с мягкой укоризной отозвался Хуа. — С чего бы ему ещё так тебя бояться?

— Если бы я его не припугнул, он бы и слова не выдал, — возразил Лу.

Хуа Маньлоу признал его правоту и кивнул:

— По крайней мере, теперь мы знаем то, чего не знали раньше.

Он задумался.

— Брат Лу, тебе не кажется это странным? Старшая мисс — ребёнок Сунь Инян, а Вторая молодая мисс — дочь покойной госпожи. При этом Янь Чжуан утверждает, что Сунь Инян сошлась с господином только после смерти сестры.

Лу Сяофэн приподнял бровь.

— Тут возможны два варианта. Либо старшая дочь — вовсе не от хозяина поместья, либо Сунь Инян родила от него задолго до того, как об этом узнали люди.

Его рассуждения были логичны и давали ответы на вопросы Хуа Маньлоу. Однако стоило ему замолчать, как раздался насмешливый женский голос:

— Оказывается, Лу Сяофэн — большой мастер разбирать чужие семейные тайны. Ни стыда, ни правил приличия.

Говорила женщина в годах.

Она стояла среди кустов камелии. Казалось, она возникла там из ниоткуда.

Это была Сунь Инян.

Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу замерли.

Лу Сяофэн остолбенел вовсе не от внезапного появления женщины и не от стыда за свои слова. Просто Сунь Инян была до ужаса похожа на одного человека.

На человека, который уже был мёртв.

Сунь Иньян была красива той зрелой, увядающей красотой, на которой время уже успело оставить свои следы.

— Молодой господин Хуа, если захотите спросить меня о чём-то, приходите в сад сегодня вечером, — произнесла она холодным тоном. — Когда лунный свет коснётся «Венцов Феникса».

— А как же я? — придя в себя, спросил Лу Сяофэн.

Сунь Иньян холодно усмехнулась:

— Разве ты уже не всё разгадал в своих догадках? О чём тебе ещё спрашивать? К тому же... — Она помедлила и добавила с намёком: — Янь Синь сегодня тебя просто так не отпустит.

В её словах проскользнуло нечто двусмысленное. Каждый бы понял, о чём речь, и Лу Сяофэн не был исключением.

Не дожидаясь ответа, женщина отчеканила:

— Можете звать меня «Сунь Иньян». И я не желаю слышать от кого-либо обращение «госпожа Сунь».

С этими словами она повернулась и ушла.

— Сунь Иньян, мой друг не хотел вас обидеть, — произнёс Хуа Маньлоу ей в спину. — Это были лишь пустые слова.

Голос женщины донёсся издалека:

— Не нужно заступаться за него. Разве ты сам не думал о том же? Разница лишь в том, что он это озвучил, а ты промолчал.

Вскоре она скрылась из виду.

Лу Сяофэн медленно развёл руками.

Хуа Маньлоу слегка потянул его за рукав, и они двинулись дальше.

Впереди их ждал Янь Чжуан. Он убежал слишком далеко, и хотя заметил, что гости отстали, вернуться не решился — лишь издали наблюдал за ними.

Друзья поспешили за ним.

Добравшись до выделенных им покоев и отужинав, Лу Сяофэн подпёр щеку рукой и впал в задумчивость.

Хуа Маньлоу неспешно пил чай.

Лу Сяофэн затих. Он даже не пытался шутить.

— Всё ещё думаешь о словах Сунь Иньян? — не выдержал Хуа Маньлоу.

— Да. Она меня обманула, — кивнул Лу.

— Она сказала лишь одну фразу, в которой могла быть ложь, — улыбнулся Хуа.

Лу Сяофэн снова кивнул.

— И почему же дева Янь Синь до сих пор не пришла за мной?

Хуа Маньлоу поставил чашку на стол.

— Обманула тебя Сунь Иньян или нет — не знаю. Но готов поспорить: не пройдёт и получаса, как Янь Синь будет здесь.

Лу Сяофэн вытаращился на друга:

— Я никогда не спорю без закладной.

— И чего же ты хочешь?

— Один цветок «Венца Феникса».

Хуа Маньлоу прекрасно понимал, что Лу Сяофэн томится вовсе не из-за Янь Синь. Несмотря на всю свою любовь к красавицам, Лу никогда не терял головы и не впадал в меланхолию из-за женских капризов. Не будь он таким, он не был бы Лу Сяофэном.

Хуа Маньлоу вздохнул.

— Брат Лу, скажи... Сунь Иньян очень похожа на Шэнь Бумянь?

Лу Сяофэн вздрогнул и наконец оторвал руку от лица.

Оказывается, Хуа Маньлоу давно всё понял.

— Ты заметил, как я опешил? — спросил Лу.

Хуа Маньлоу кивнул.

— Ты не находишь себе места. Боишься, что если расскажешь мне, я почувствую вину, ведь ты подозреваешь, что Шэнь Бумянь — дочь Сунь Инян. И в то же время боишься промолчать: вдруг эта женщина задумала недоброе, а я окажусь не готов?

Лу Сяофэн наконец тяжело вздохнул.

— От брата Хуа ничего не скроешь. Она позвала тебя одного, чтобы убрать меня с дороги.

— Тогда почему же ты не отговоришь меня от этой встречи? — мягко улыбнулся Хуа Маньлоу.

— Решения брата Хуа — это его решения. Мне не подходит принимать их за тебя.

Они понимали друг друга с полуслова. Их дружба была выше любых тайн.

Хуа Маньлоу почувствовал, как к сердцу подступило тепло. Он накрыл ладонь Лу Сяофэна своей рукой.

— Тогда не беспокойся.

Он снова усмехнулся:

— Впрочем, она была права: ты сегодня точно не сможешь туда пойти.

Едва он договорил, как за дверью послышались быстрые девичьи шаги.

Хозяйка этих шагов на ходу спросила:

— Молодой господин Хуа, Лу Сяофэн у тебя?

Янь Синь.

Она толкнула дверь, не дожидаясь приглашения.

Лу Сяофэн тихонько вздохнул.

— И впрямь, я не ошиблась, — весело промолвила девушка. — Лу Сяофэн здесь. Послушай, брат Хуа, могу я одолжить у тебя кое-что на сегодня?

— Говорите, дева, — отозвался Хуа Маньлоу.

Янь Синь подошла к Лу Сяофэну, бесцеремонно взяла его под руку и лукаво улыбнулась:

— Говорят, Лу Сяофэн — неисправимый гуляка и вольный ветер. Хочу проверить, правду ли болтают.

Она подмигнула Лу. В её глазах сверкал живой блеск, точно струи горного ручья.

— Боюсь, дева Янь поймёт, что я не только гуляка, но и человек, совершенно неспособный устоять перед искушением, — отозвался Лу Сяофэн, поднимаясь.

— Я таких людей ещё не встречала, — рассмеялась Янь Синь. — Самое время познакомиться с таким Лу Сяофэном.

Лу Сяофэн повернулся к другу:

— Видно, не судьба нам сегодня пить чай и вести беседы. Придётся идти за девой Янь.

— Полагаю, брат Лу только этого и ждал, — отшутился Хуа Маньлоу.

Он встал, провожая их до порога.

Ночь уже вступила в свои права.

Лунный свет коснулся лепестков «Венца Феникса».

Хуа Маньлоу закрыл дверь и тоже вышел в сад.